

УДК 316.6

Структурные особенности дискриминационных установок личности

Е. Е. Бочарова

Бочарова Елена Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, bocharova-e@mail.ru

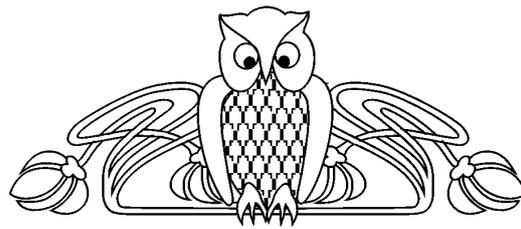
Целью исследования, представленного в статье, является эмпирическое изучение структурных особенностей дискриминационных установок. Исследование выполнено на выборке ($N = 168$), средний возраст которой соответствует 27,63 лет, преимущественно женского пола (78,6%), с применением психодиагностического инструментария: специально разработанной анкеты и «Шкалы базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой. *Предположительно* наличие различий в содержании структурообразующих переменных дискриминационных установок личности. Установлены различия в содержании когнитивного компонента дискриминационных установок. Проявление *негативной валентности* дискриминационных установок зафиксировано в случае: «Я испытываю предубеждения в отношении представителей другой группы»; «Если у кого-то выражены внешние признаки другой, не моей, группы, то меня это настораживает»; «Если я вижу, что представитель этой группы в общественном месте ведет себя слишком свободно, то я сделаю ему замечание»; «Когда я вижу на улице представителя этой группы, то думаю, что ему лучше бы быть дома»; «Если в какой-то семье есть человек – представитель этой группы, то эта семья должна жить своей особой жизнью и не пытаться добиваться каких-то привилегий». В этом случае наблюдается готовность личности к увеличению социальной дистанции от представителей групп Других. Проявление *негативной амбивалентности* дискриминационных установок отмечено в случае: «Думаю, что студенты, приехавшие к нам учиться, могли бы вести себя не так свободно и активно»; «Представителям некоторых групп слишком много позволяется»; «Наличие каких-то ярко выделяющихся особенностей должно учитываться при приеме человека на работу». Отметим, что логика актуализации дискриминационных установок связана с атрибуцией «я не имею – он имеет», «жаль, но иначе быть не может», «я имею – он не имеет». Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке превентивных программ снижения риска дискриминационного поведения.

Ключевые слова: личность, Другой, группа, дискриминационная установка, структура дискриминационной установки, негативная валентность, негативная амбивалентность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-146-156>

Введение

Активное изучение проблемы дискриминации определяется, прежде всего, возможной приверженностью человека к принятию идей

неравенства возможностей (или прав) Других в условиях возрастания политической, экономической, социальной стратификации общества посредством маркирования «мы – они», «свой – чужие», «инаковые» на фоне проявления «эффектов» актуализации разнообразных форм его социокультурной интеграции и дезинтеграции. При этом, как показано в ряде работ современных исследователей [1–6], непринятие аутгруппового Другого выступает одним из ключевых индикаторов, отражающих степень выраженности чувства безопасности, защищенности и доверия к социальным институтам, структурам государственной власти, близкому и ближайшему социальному окружению и т. д. Одно из возможных объяснений непринятия «Другого», согласно мнению исследователей [2, 4, 5], связано с механизмом компенсации своей «незащищенности», смещения «реакции» с «не всегда» объективного источника «угрозы» с последующим конструированием образа «Другого как врага», актуализация которого во многом определяется генерализованным эффектом истории предшествующих социальных взаимодействий [7]. Примечательно, что асимметричные проявления диапазона «свой» – «чужие» определяется количеством возможных групп индивида, с которыми он может интегрироваться и от которых он может дистанцироваться. Значимым обстоятельством является и то, что число возможных групп индивида потенциально безгранично: их может быть столько, сколько найдется субъективно значимых для индивида параметров сравнения в противопоставлении [8, 9]. В литературе приведены фактологические данные, являющиеся свидетельством проявления многообразия предмета (устойчивость, ситуативность, множественность оснований дискриминации) [5, 10] и объекта дискриминации (межгрупповая, структурная дискриминация [11, 12]). Нельзя отрицать и тот факт, что любой человек может оказаться в «пространстве» дискриминации, приобретая статус «Чужака» (Г. Зиммель).

Направленность современных исследований в области психологии дискриминации связана с изучением эффектов межгрупповой дифференциации в условиях социальной иерархии (Е. Р. Агадуллина, В. Д. Альперович, В. В. Гриценко, О. А. Гулевич, А. Al Ramiah, M. Hewstone, J. F. Dovidio, D. M. Taylor и др.), факторов детерминации негативных этнопсихологических установок (В. В. Гриценко, Н. М. Лебедева, Е. М. Не-

чаев, А. Н. Татарко, Р. Чалдини, Р. М. Шамионов и др.), недоверия к представителям аутгрупп (Л. А. Журавлева, А. Б. Купрейченко, С. П. Табхарова, Е. А. Хорошилова, I. Katz, D. J. McAllister, R. J. Lewicki, A. V. Seligman, J. B. Rotter и др.), дискриминационных установок (Е. Е. Бочарова, О. А. Гулевич, М. А. Кленова, Ю. В. Ковалева, В. А. Соснин, Р. М. Шамионов, Т. Burns и др.), субъективного опыта дискриминации и его влияния на принятие дискриминационного поведения Другого (В. А. Лабунская, Д. В. Погонцева, Т. А. Шкурко и др.), факторов и механизмов воспринимаемой дискриминации (А. А. Беззян, Е. М. Нечаев, В. А. Лабунская и др.), «удаленности», социальной дистанции от «Инакового Другого» (В. В. Гриценко, А. И. Донцов, Е. Б. Перельгина, Е. В. Рязузова, Т. Н. Смотрова и др.)

Особый интерес вызывает современное содержание структурообразующих дискриминационных установок, которое формируется на основе собственного опыта субъекта социального взаимодействия с иным «Чужим», и накопленного культурно-исторического опыта, каждый из которых влияет на актуальное поведение в зависимости от эмоциональной и когнитивной значимости.

Изучение структуры дискриминационных установок предполагает обращение к рассмотрению ее когнитивных, аффективно-оценочных предповеденческих структурообразующих компонентов. Когнитивное содержание дискриминационной установки определяется совокупностью убеждений, верований, предрассудков, стереотипов, идеалов и представлений о социальном объекте. Аффективно-оценочный компонент выражает эмоциональное отношение к объекту и предмету дискриминации, включая различные по содержанию эмоции, отличающиеся параметрами валентности, активации, напряжения [13, 14]. Предповеденческий компонент отражает потенциальную готовность индивида к реализации дискриминационного поведения, которая может быть реализована, а может и не быть реализована.

Сосредоточенность на интегральной оценке эмоций, возможно, обусловила терминологическую приверженность ряда зарубежных [15–17] и отечественных [18, 19] исследователей концепту позитивного и негативного аффекта, согласно которым «аффект» определяется как интегральная категория, объединяющая эмоциональные процессы, эмоциональные состояния, реакции в отличие от более узкого понятия «состояние аффекта», обозначающего кратковременную и интенсивную эмоцию. Можно полагать, что соотношение позитивного и негативного аффекта, выражающегося в балансе или дисбалансе, может переживаться их субъектом как относительно комфортные, а другие как дискомфортные. Таким образом, в зависимости от степени выраженности переживания психологического самочувствия субъекта исследователи предлагают выделять, по крайней мере, два вида амбивалентности – позитивную

и негативную [20], проявляющиеся во взаимодействии двух отдельных, но взаимосвязанных систем регуляции [18, 19] дискриминационного поведения.

Весьма интересные данные представлены в работах С. А. Talaska, S. T. Fiske, S. Chaiken [21], свидетельствующие о том, что реализация дискриминационных практик в большей степени обусловлена эмоциональными предубеждениями, нежели когнитивными. Реализация мета-анализа данных исследований, фиксирующих расовые установки (включая убеждения, стереотипы, верования, эмоциональные предрассудки) и расовую дискриминацию, позволила исследователям [21] прийти к заключению, что наиболее весомым фактором актуализации непосредственной (реальной) дискриминации являются именно эмоциональные предрассудки. Когнитивные убеждения, согласно мнению цитируемых авторов, придают направленность дискриминации, проявление которой с большей долей вероятности носит декларативный, латентный, косвенный или «пассивный» характер.

Полагаем, что данные факты необходимо принять во внимание в изучении особенностей структурообразующих дискриминационных установок.

Цель эмпирического исследования, представленного в данной статье, заключается в установлении структурных особенностей дискриминационных установок личности. *Предположительно* наличие различий в содержании структурообразующих переменных дискриминационных установок личности.

Процедура и методы

Участники исследования. Эмпирическое исследование выполнено на выборке 168 человек, средний возраст которых соответствует 27,63 ($SD = 9,4$); преимущественно женского пола (78,6%), среди которых: студенты вузов г. Саратов – 74 человека (44%), средний возраст которых соответствует 20,42; $SD = 2,3$; работающие – 94 человека (56%), средний возраст которых – 33,5 лет; $SD = 8,8$; (г. Саратов и Саратовской области); проживающих в городе 137 (81,6%), селе – 31 респондент (18,5%).

Методики. Фиксация дискриминационных установок и их содержания на эмоциональном уровне осуществлялась посредством специально разработанной анкеты. Респондентам предлагалось выразить степень своего согласия–несогласия по 5-балльной шкале (от 1 – максимальное несогласие до 5 – максимальное согласие) с рядом утверждений, направленных на выявление дискриминационных установок (*Оцените, пожалуйста, насколько для Вас верно высказывание по отношению к ним*): «Я испытываю предубеждения в отношении представителей другой группы»; «Если у кого-то выражены внешние признаки другой, не моей, группы, то меня это настораживает»; «Думаю, что студенты, приехавшие к нам

учиться, могли бы вести себя не так свободно и активно»; «Представителям некоторых групп слишком много позволено»; «Если я вижу, что представитель этой группы в общественном месте ведет себя слишком свободно, то я сделаю ему замечание»; «Когда я вижу на улице представителя этой группы, то думаю, что ему лучше бы быть дома»; «Если в какой-то семье есть человек – представитель этой группы, то эта семья должна жить своей особой жизнью и не пытаться добиваться каких-то привилегий»; «Наличие каких-то ярко выделяющихся особенностей должно учитываться при приеме человека на работу»; *оценить силу своих эмоций по отношению к представителям перечисленных групп* (тревога, раздражение, отвращение, страх, интерес, злость, агрессия, брезгливость, сочувствие, жалость) – мигранты; лица с физическими недостатками, инвалиды; лица с психическими расстройствами; лица с нетрадиционным сексуальным поведением; пенсионеры; дети, подростки; представители иных этнических групп; представители иных религий; жертвы преступлений; представители противоположного пола; физически непривлекательные; лица, достигшие большего, чем вы; лица другой социальной общности (уровня, статуса); лица с низкими доходами; лица с высокими доходами; политические деятели; панки, хиппи, представители других субкультур; многодетные семьи).

В качестве когнитивного компонента рассматривались базовые убеждения личности о доброжелательности-враждебности окружающего мира, его справедливости, а также представления о собственном «Я», фиксация которых осуществлялась посредством «Шкалы базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой [22], включающей следующие субшкалы: «Доброжелательность окружающего мира», отражающая убеждения индивида относительно безопасной возможности доверять окружающему миру; «Справедливость окружающего мира», характеризующая убеждение индивида о принципах распределения удач и несчастий; «Образ «Я», отражающая убеждение индивида о позитивном образе «Я», ценности и значимости собственного «Я»; «Удача», отражающая убеждение индивида в удачливости и везении; «Убеждение о контроле», характеризующая убеждение индивида о возможности контроля жизненных событий.

Методы. Результаты исследования обрабатывались посредством процедур математической статистики: описательная статистика; корреляционный анализ (r -Pearson). Эмпирические данные зафиксированы в сводных таблицах программы Microsoft Excel и затем были импортированы в программный пакет «Statistica for Windows».

Результаты и их обсуждение

Когнитивным основанием дискриминационной установки «Я испытываю предубеждения

в отношении представителей другой группы» выступает сомнение или отсутствие уверенности в доброжелательности окружающего мира, подтверждением тому являются наличие отрицательной взаимосвязи между дискриминационной установкой «Я испытываю предубеждения в отношении представителей другой группы» и убеждением в доброжелательности окружающего мира ($r = -0,263$ при $p < 0,001$).

Содержание аффективно-оценочного компонента дискриминационной установки «Я испытываю предубеждения в отношении представителей другой группы» раскрывается в наибольшем количестве взаимосвязей с эмоциями негативной направленности по отношению к представителям других групп, среди которых божжи; лица с психическими расстройствами, представители иных этнических групп и иных религий; пенсионеры; физически непривлекательные; лица, достигшие большего, чем вы; мигранты.

Состояние *тревоги*, неопределенности связано с ожиданием угрозы реальной опасности, агрессии со стороны божжей ($r = 0,169$ при $p < 0,05$); лиц с психическими расстройствами ($r = 0,169$ при $p < 0,05$); представителей иных этнических групп ($r = 0,156$ при $p < 0,05$). Пенсионеры ($r = 0,173$ при $p < 0,05$) и представители иных этнических групп ($r = 0,188$ при $p < 0,05$) вызывают состояние раздражения, связанное, на наш взгляд, с их стремлением к равенству возможностей, не исключая при этом право на преференции.

Физически непривлекательные люди и «лица, достигшие большего, чем вы» вызывают крайнее неприятие, *отвращение* у испытуемых ($r = 0,194$ при $p < 0,05$; $r = 0,162$ при $p < 0,05$ соответственно). Вполне очевидно, что внешне непривлекательные Другие вызывает неприязнь, реакцию отторжения, обусловленную актуализацией механизма стереотипизации: «то, что красиво – хорошо, то, что некрасиво или выглядит пугающе\мрачно\непривычно, – это всегда плохо». Неприязнь, отвращение вызывают и преуспевающие Другие, средства достижений которых возможно не соответствуют имплицитным представлениям испытуемых о степени приемлемости тех или иных средств реализации целей. Не исключено, что в этом случае превосходство Другого, порождающее чувство собственной уязвимости, приводит к поиску подтверждения позитивного образа Я.

Достаточно насыщенной является взаимосвязь дискриминационной установки и *страха* по отношению к представителям других групп, среди которых мигранты ($r = 0,216$ при $p < 0,01$), представители иных этнических групп ($r = 0,166$ при $p < 0,05$) и иных религий ($r = 0,163$ при $p < 0,05$), а также лица, достигшие большего ($r = 0,163$ при $p < 0,05$). Вполне допустимо, что фиксации рельефности «инаковых» признаков Других в явном противопоставлении Своим и вызывает страх реальной или воображаемой опасности.

Примечательно, что источником актуализации переживания *злости* являются представители других этнических групп ($r = 0,214$ при $p < 0,01$). Не исключено, что этническая составляющая социального окружения испытуемых определяется ими как фактор ограничения в удовлетворении их потребностей, отражающий непосредственный опыт взаимодействия с другими людьми, в том числе и представителями другого этноса.

Предубеждения в отношении представителей другой группы сопровождается проявлением крайнего неприятия – *брезгливостью*, в частности, к представителям иных этнических групп ($r = 0,178$ при $p < 0,05$), иных религий ($r = 0,219$ при $p < 0,01$) и физически непривлекательных людей ($r = 0,198$ при $p < 0,01$). Можно полагать, что ограничение или полное избегание контактов с представителями данных групп, согласно мнению испытуемых, позволит предотвратить возможные проблемы и неприятности.

Корреляционный анализ, выполненный между показателями дискриминационной установки «Если у кого-то выражены внешние признаки другой, не моей, группы, то меня это настораживает» и базовых убеждений личности позволяет констатировать отсутствие их взаимосвязи. Вероятно, объяснение данного факта связано с ситуационным проявлением установок дискриминации по внешним признакам Другого. Так, к примеру, в предпринятом нами ранее исследовании зафиксировано некоторое противоречие в выраженности дискриминационных установок: проявление индифферентного отношения к внешним признакам инаковости Других, выраженность которых в ситуации трудоустройства приобретает особую значимость [4].

Аффективно-оценочное содержание дискриминационной установки «Если у кого-то выражены внешние признаки другой, не моей, группы, то меня это настораживает» раскрывается в наибольшем количестве взаимосвязей с эмоциями, проявляемых по отношению к представителям иных этнических групп и религий, мигрантам, пенсионерам, физически непривлекательным, лицам с низкими доходами.

Фиксация внешних признаков представителя иных этнических групп ($r = 0,152$ при $p < 0,05$) и физически непривлекательных людей ($r = 0,175$ при $p < 0,05$) сопровождается беспокойством, выражающимся в проявлении *раздражения*, готовности к спонтанному выражению экспрессивной агрессии при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость, брезгливость и т. д.), открытой демонстрации своих эмоций.

Внешняя непривлекательность Других, среди которых мигранты ($r = 0,215$ при $p < 0,01$), пенсионеры ($r = 0,210$ при $p < 0,01$), физически непривлекательные ($r = 0,197$, при $p < 0,05$) выступает в качестве механизма идентификации «скорее чужие, чем свои», вызывая реакцию отторжения, *отвращения*, проявление которого сопряжено

с предпочтением увеличения социальной дистанции. Кроме того, фиксированность на физической непривлекательности Других ($r = 0,154$ при $p < 0,05$) сопровождается актуализацией переживания *злости* и проявлением *агрессии* к бомжам ($r = 0,297$ при $p < 0,01$). В этом случае можно наблюдать усиление выраженности дискриминационной установки.

Фиксированность на внешних признаках представителей иных религий ($r = 0,174$ при $p < 0,05$), физически непривлекательных ($r = 0,181$ при $p < 0,05$) и многодетных семьях ($r = 0,246$ при $p < 0,01$) приводит к усилению настороженности и сопровождается проявлением *брезгливости*, проявляющейся в избегании контактов с представителями данных групп.

Примечательно, что внешняя непривлекательность Других вызывает *интерес* ($r = 0,186$, при $p < 0,05$), вероятно, связанный с оценкой как минимум по двум с двумя параметрами: «болезни» и «чужой».

Выраженность предубеждения в отношении представителей с низкими доходами отличается большей устойчивостью на фоне отсутствия проявления *сочувствия* ($r = -0,186$ при $p < 0,05$) и *жалости* ($r = -0,185$ при $p < 0,05$) к ним.

Когнитивным основанием дискриминационной установки «Думаю, что студенты, приехавшие к нам учиться, могли бы вести себя не так свободно и активно» выступает убеждение в необходимости контроля жизненных событий, подтверждением тому являются наличие взаимосвязи между предубеждением и убеждением в необходимости контроля жизненных событий ($r = 0,258$ при $p < 0,001$).

Аффективно-оценочный компонент дискриминационной установки «Думаю, что студенты, приехавшие к нам учиться, могли бы вести себя не так свободно и активно» представлен наибольшим количеством взаимосвязей с эмоциями, проявляемых к представителям Других групп, среди которых лица с физическими недостатками, инвалиды; мигранты; представители других субкультур; лица, достигшие большего, чем вы.

Зафиксирована взаимосвязь между параметрами проявления *тревоги* и предубеждения в необходимости контроля приехавших учиться студентов, отличающихся наличием физических недостатков, инвалидностью ($r = 0,190$ при $p < 0,05$). Не исключено, данный факт является свидетельством необходимости контроля активности студентов с ограниченными возможностями в связи с опасением угрозы их здоровью.

Раздражение вызывают лица, достигшие большего, чем испытуемые и панки, хиппи, представители других субкультур, усиливая при этом выраженность предубеждения в необходимости ограничения их активности и свободы ($r = 0,201$ при $p < 0,01$; $r = 0,173$ при $p < 0,05$ соответственно). Можно полагать, что выраженное превосходство Других и иная субкультурная привержен-

ность актуализирует готовность респондентов к спонтанному выражению импульсивной агрессии при малейшем возбуждении, открытой демонстрации своих эмоций, выступающим механизмом регуляции свободы и активности Другого.

Проявление *отвращения* к лицам с физическими недостатками, инвалидам и лицам, достигшим большего, во взаимосвязи с предубеждением испытуемых в необходимости контроля их активности и свободы выступает механизмом регуляции социальной дистанции ($r = 0,176$ при $p < 0,05$; $r = 0,188$ при $p < 0,05$ соответственно).

Предубеждение испытуемых в необходимости контроля активности и свободы сопровождается проявлением *злости* и *страха* превосходства Других, достигших большего ($r = 0,184$ при $p < 0,05$; $r = 0,163$ при $p < 0,05$ соответственно). Вероятно, объяснение данного факта связано с реальной или воображаемой опасностью, угрозой позитивному образу Я, собственному благополучию.

Зафиксирована взаимосвязь между параметрами проявления *сочувствия*, *жалости* и предубеждения в необходимости контроля приехавших учиться студентов, отличающихся статусом мигранта ($r = 0,169$ при $p < 0,05$; $r = 0,155$ при $p < 0,05$ соответственно). Не исключено, что в этом случае необходимость контроля активности студентов-мигрантов носит просоциальный характер.

Когнитивным основанием дискриминационной установки «Представителям некоторых групп слишком много позволяет» выступает сомнение в возможности контроля, подтверждением тому являются наличие отрицательной взаимосвязи между предубеждением и убеждением в необходимости контроля ($r = -0,162$ при $p < 0,05$).

Содержание аффективно-оценочного компонента предубеждения о вседозволенности некоторых групп раскрывается в наибольшем количестве взаимосвязей с эмоциями, проявляемых к представителям Других групп, среди которых лица с нетрадиционным сексуальным поведением; лица с физическими недостатками, инвалиды; лица с высокими доходами; лица с психическими расстройствами.

Зафиксирована взаимосвязь между параметрами проявления *тревоги*, *отвращения*, *страха*, *брезгливости* к лицам с нетрадиционным сексуальным поведением и предубеждения в том, что представителям некоторых групп слишком много позволяет ($r = 0,175$ при $p < 0,05$; $r = 0,245$ при $p < 0,01$; $r = 0,155$ при $p < 0,05$ соответственно). Полагаем, что эти взаимосвязи можно объяснить попытками депатологизации и легализации однополых браков с возможным правом усыновления на уровне европейских государств, широко обсуждаемых в зарубежных средствах массовой информации, что противоречит традиционным представлениям участников исследования о семье и браке, формирование или присвоение которых

происходит в процессе социализации и вызывает крайнее неприятие.

Предубеждения в том, что представителям некоторых групп слишком много позволяет, взаимосвязано с проявлением *раздражения* испытуемых к лицам с физическими недостатками, инвалидам ($r = 0,273$ при $p < 0,01$), отличающимся правом на социальную поддержку.

Лица с высокими доходами вызывают проявление *агрессии* во взаимосвязи с предубеждением участников исследования о вседозволенности представителей некоторых групп ($r = 0,174$ при $p < 0,05$). Вероятно, что предубеждения по отношению к лицам с высокими доходами связаны с дефицитом возможности достижения собственного материального благополучия.

Зафиксирована взаимосвязь между параметрами проявления *сочувствия*, *жалости* и предубеждением участников исследования о вседозволенности лиц с психическими расстройствами ($r = 0,157$ при $p < 0,05$; $r = 0,197$ при $p < 0,05$ соответственно). Данный факт позволяет говорить о благосклонности и сострадании испытуемых к данной категории лиц, попытке оправдания поведения психически нездоровых людей. В этом случае вполне допустимо проявление проективной атрибуции: «я имею (здоровье) – он не имеет».

Когнитивным основанием дискриминационной установки «Если я вижу, что представитель этой группы в общественном месте ведет себя слишком свободно, то я сделаю ему замечание» выступает сомнение или отсутствие уверенности в доброжелательности окружающего мира и убежденность в необходимости контроля. Подтверждением тому являются наличие отрицательной взаимосвязи между предубеждением и убеждением в «доброжелательности окружающего мира» ($r = -0,175$ при $p < 0,05$) и положительной связи с убеждением в необходимости контроля ($r = 0,205$ при $p < 0,01$).

Содержание аффективно-оценочного компонента дискриминационной установки «Если я вижу, что представитель этой группы в общественном месте ведет себя слишком свободно, то я сделаю ему замечание» раскрывается во взаимосвязи с оценкой эмоций по отношению к представителям Других групп, среди которых: мигранты; лица с высокими доходами; пенсионеры; политические деятели; лица с психическими расстройствами; представители иных этнических групп; лица с низкими доходами; бомжи; представители иных религий.

Раздражение, *отвращение* и *страх* вызывают мигранты в случае несоответствия их поведения общепринятым нормам общественного поведения на фоне усиления выраженности предубеждения в необходимости осуждения, ограничения их «свободного», ненормативного поведения в общественных местах ($r = 0,166$ при $p < 0,05$; $r = 0,202$ при $p < 0,01$; $r = 0,190$ при $p < 0,05$ соответственно).

Страх вызывает отличное от общепринятых социальных норм поведение лиц с высокими доходами ($r = 0,158$ при $p < 0,05$). Вполне возможно, что сомнение в их доброжелательности связано с ожиданием предполагаемой угрозой безопасности собственному Я.

Зафиксировано проявление *интереса* в случае отклонения поведения политических деятелей и лиц пенсионного возраста от социально-ролевых и социально-возрастных предписаний и ожиданий. Проявление предписываемых ограничений поведения этих групп выражается в усилении предубеждения участников исследования в ограничении «свободного» поведения политических деятелей ($r = 0,169$ при $p < 0,05$) и пенсионеров ($r = 0,156$ при $p < 0,05$) на фоне выраженного интереса к ним.

Лица с психическими расстройствами, представители иных этнических групп и лица с низкими доходами вызывают проявление *агрессии* во взаимосвязи с предубеждением респондентов в необходимости применения санкций в отношении представителей этих групп в случае их отклонения от правил общественного порядка ($r = 0,202$ при $p < 0,01$; $r = 0,154$ при $p < 0,05$; $r = 0,183$ при $p < 0,05$ соответственно).

Зафиксирована взаимосвязь между параметрами проявления *жалости* и предубеждением участников исследования к необходимости ограничения недопустимого в общественных местах поведения бомжей ($r = 0,174$ при $p < 0,05$), лиц с психическими расстройствами ($r = 0,162$ при $p < 0,05$), представителей иных этнических групп ($r = 0,166$ при $p < 0,05$ соответственно). Не исключено, что в этом случае необходимость ограничения недопустимого поведения в общественных местах этих групп сопровождается их сопоставлением по отношению к «Своим», отличающимся характеристиками некоего превосходства, подтверждающими необходимость поддержания социальной дистанции.

Основанием дискриминационной установки «*Когда я вижу на улице представителя этой группы, то думаю, что ему лучше бы быть дома*» на когнитивном уровне определяется взаимосвязью сомнения или отсутствия убежденности в удаче, благосклонности судьбы, справедливости высших сил. Подтверждением тому является наличие отрицательной корреляции взаимосвязи между предубеждением и убеждением в удаче ($r = -0,283$ при $p < 0,001$).

Аффективно-оценочный компонент дискриминационной установки «*Когда я вижу на улице представителя этой группы, то думаю, что ему лучше бы быть дома*» представлен множеством взаимосвязей с оценкой эмоций по отношению к представителям Других групп, среди которых: мигранты; представители иных религий; представители иных этнических групп; лица с низкими доходами.

Предубеждение испытуемых в том, что «лучше бы им быть дома», усиливается в случае

фиксации дифференцирующих признаков представителей иных этнических групп, иных религий, мигрантов и сопровождается проявлением *тревоги* и *раздражения* ($r = 0,194$ при $p < 0,05$; $r = 0,173$ при $p < 0,05$; $r = 0,204$ при $p < 0,01$; $r = 0,198$ при $p < 0,01$; $r = 0,183$ при $p < 0,05$; $r = 0,169$ при $p < 0,05$ соответственно). Усиление предубеждения отмечается и в случае обращения внимания на признаки малоимущих с проявлением *брезгливости* и готовности к избеганию контактов с представителями низкого материального статуса ($r = 0,161$ при $p < 0,05$).

Содержание когнитивного компонента дискриминационной установки «*Если в какой-то семье есть человек – представитель этой группы, то эта семья должна жить своей особой жизнью и не пытаться добиваться каких-то привилегий*» определяется взаимосвязью предубеждения и убежденностью в несправедливости окружающего мира. Подтверждением тому являются наличие отрицательной корреляции между предубеждением и убеждением в справедливости окружающего мира ($r = -0,225$ при $p < 0,001$).

Содержание аффективно-оценочного компонента дискриминационной установки «*Если в какой-то семье есть человек – представитель этой группы, то эта семья должна жить своей особой жизнью и не пытаться добиваться каких-то привилегий*» раскрывается во взаимосвязи с оценкой эмоций по отношению к представителям Других групп, среди которых: пенсионеры; представители иных этнических групп; многодетные семьи; лица с физическими недостатками, инвалиды; лица, достигшие большего, чем вы; политические деятели; мигранты; лица с высокими доходами; лица с низкими доходами.

Установлена взаимосвязь между параметрами предубеждения в ограничении привилегий семей, члены которых отличаются иной этнической приверженностью, статусом пенсионера, многодетной семьи, и проявлением *тревоги* ($r = 0,168$ при $p < 0,05$; $r = 0,188$ при $p < 0,05$; $r = 0,184$ при $p < 0,05$ соответственно), актуализация которой определяется, на наш взгляд, атрибуцией «я не имею (привилегии) – он имеет».

В случае предпринимаемых попыток реализации права на преференции лиц с физическими недостатками, инвалидов; представителей иных этнических групп; лиц, достигшие большего, и политических деятелей отмечается усиление выраженности предубеждения в необходимости ограничения их привилегий на фоне проявления *раздражения* у участников исследования ($r = 0,237$ при $p < 0,01$; $r = 0,188$ при $p < 0,05$; $r = 0,178$ при $p < 0,05$; $r = 0,267$ при $p < 0,001$ соответственно). Проявление предписываемых ограничений права на привилегии этих групп, возможно, обусловлено наличием собственного опыта участников исследования, связанного с событиями, в которых их интересы были несправедливо ущемлены.

Притязание на привилегии лиц с высокими доходами и политических деятелей усиливает предубеждение испытуемых в необходимости его ограничения и сопровождается проявлением *отвращения* ($r = 0,156$ при $p < 0,05$; $r = 0,321$ при $p < 0,001$ соответственно), *страха* ($r = 0,230$ при $p < 0,01$; $r = 0,291$ при $p < 0,001$ соответственно) и *злости* ($r = 0,290$ при $p < 0,001$; $r = 0,362$ при $p < 0,001$ соответственно). Вполне допустимо, что данный факт является свидетельством проявления неприязни менее защищенных групп к представителям более привилегированного положения, имеющих более высокие доходы, не всегда отличающихся безупречной репутацией, и связано с атрибуцией – реализация прав на преференции «Других», исключает такое же притязание «Своих».

Стремление мигрантов, лиц с низкими доходами, многодетных семей к получению привилегий сопровождается усилением выраженности предубеждения в необходимости их ограничения на фоне выраженной к ним *жалости* у участников исследования ($r = 0,178$ при $p < 0,05$; $r = 0,180$ при $p < 0,05$; $r = 0,177$ при $p < 0,05$ соответственно). Проявление предписываемых ограничений права на привилегии этих групп сопровождается «справедливым» выражением «формального сочувствия»: «жаль, но иначе быть не может».

Содержание когнитивного компонента дискриминационной установки «Наличие каких-то ярко выделяющихся особенностей должно учитываться при приеме человека на работу» определяется ее взаимосвязью с убежденностью в необходимости контроля жизненных событий, значимость которой соответствует $r = 0,295$ при $p < 0,001$.

Содержание аффективно-оценочного компонента дискриминационной установки «Наличие каких-то ярко выделяющихся особенностей должно учитываться при приеме человека на работу» раскрывается во взаимосвязи с оценкой эмоций по отношению к представителям Других групп, среди которых: лица с психическими расстройствами; лица, достигшие большего, чем вы; многодетные семьи.

Не вызывают *раздражение* попытки трудоустройства психически нездоровых людей на фоне усиления предубеждения в ограничении их трудоустройства, что подтверждается наличием отрицательной взаимосвязи ($r = -0,182$ при $p < 0,05$). Полагаем, что возможное объяснение данного факта связано с уверенностью испытуемых, с одной стороны, в отсутствии возможности трудоустройства психически нездоровых людей, с другой – в действии законодательной регуляции их трудоустройства. И, напротив, в ситуации найма и продвижения по карьерной лестнице отмечается усиление предубеждения и *раздражения* к лицам, достигшим большего, чем участники исследования ($r = 0,187$ при $p < 0,05$), возможное объяснение которого связано с «эффектом конку-

ренции», признанием своей неконкурентоспособности на рынке труда.

Усиление предубеждения и *страх* вызывают попытки трудоустройства членов многодетных семей, выражение которого подтверждается взаимосвязью ($r = 0,175$ при $p < 0,05$). Полагаем, что в этом случае можно говорить о фиксации испытуемыми некоторых привилегий членов многодетных семей в сфере труда с последующей атрибуцией «я не имею – он имеет».

Заключение

Резюмируя изложенное, прежде всего отметим наличие различий в содержании когнитивного и аффективно-оценочного компонентов дискриминационных установок.

Убежденность в недоброжелательности окружающего мира выступает когнитивным компонентом дискриминационной установки «Я испытываю предубеждения в отношении представителей другой группы». Содержание аффективно-оценочного компонента предубеждения отличается проявлением эмоций негативной валентности: стремление к равенству возможностей бомжей, лиц с психическими расстройствами, представителей иных этнических групп, пенсионеров вызывает *тревогу*; внешне непривлекательные и преуспевающие Другие вызывают *отвращение*; выраженность «инаковых» признаков мигрантов, этногрупп и религий вызывает *страх*; *брезгливость* к представителям иных этнических групп, религий и физически непривлекательным людям вызывает проявление готовности к увеличению социальной дистанции от представителей данных групп во избежание возможных проблем и неприятностей.

В структуре аффективно-оценочного компонента дискриминационной установки «Если у кого-то выражены внешние признаки другой, не моей, группы, то меня это настораживает» зафиксированы эмоции раздражения, отвращения, злости, агрессии, брезгливости, интереса, отсутствие сочувствия и жалости, что является свидетельством проявления эмоций негативной валентности. Предповеденческий компонент установки проявляется в готовности увеличения социальной дистанции от Других.

Когнитивным компонентом дискриминационной установки «Думаю, что студенты, приехавшие к нам учиться, могли бы вести себя не так свободно и активно» выступает убеждение в необходимости контроля жизненных событий. Аффективно-оценочный компонент предубеждения характеризуется негативной амбивалентностью: необходимость контроля активности студентов с ограниченными возможностями в связи с опасением угрозы их здоровью сопровождается проявлением *тревоги*; выраженное превосходство Других и иная субкультурная приверженность актуализирует готовность респондентов к спонтанному выражению *раздражения*, выступающе-

му механизмом регуляции свободы и активности Другого; *отвращение* к лицам с физическими недостатками, инвалидам и лицам, достигшим большего, выступает механизмом регуляции социальной дистанции; *злость* и *страх* вызывает превосходство Других студентов, достигших большего; *сочувствие*, *жалость* – к студентам-мигрантам, контроль активности которых носит просоциальный характер.

Когнитивным компонентом дискриминационной установки «*Представителям некоторых групп слишком много позволено*» выступает сомнение в возможности контроля жизненных событий. Аффективно-оценочный компонент предубеждения характеризуется негативной амбивалентностью: *тревогу*, *отвращение*, *страх*, *брезгливость* вызывают лица с нетрадиционным сексуальным поведением; проявление *раздражения* к лицам с физическими недостатками, инвалидам; *агрессию* вызывают лица с высокими доходами; *сочувствие*, *жалость* вызывают лица с психическими расстройствами. Предупреждающий компонент установки связан с готовностью к увеличению социальной дистанции от лиц с нетрадиционным сексуальным поведением и содействием психически нездоровым людям.

Когнитивным основанием дискриминационной установки «*Если я вижу, что представитель этой группы в общественном месте ведет себя слишком свободно, то я сделаю ему замечание*» выступает сомнение в доброжелательности окружающего мира. Аффективно-оценочный компонент предубеждения характеризуется проявлением эмоций негативной валентности: *раздражение*, *отвращение* и *страх* вызывает «недопустимое» поведение мигрантов; *страх* вызывает отличное от общепринятых социальных норм и поведение лиц с высокими доходами; проявление *интереса* в случае отклонения поведения политических деятелей и пенсионеров от социально-ролевых и социально-возрастных предписаний и ожиданий; психически нездоровые люди, представители иных этнических групп и лица с низкими доходами вызывают проявление *агрессии* и готовности ограничения их «недопустимого» поведения; «недопустимое» поведение бомжей, психически нездоровых людей, представителей иных этнических групп вызывает *жалость* и готовность ограничения их поведения.

Когнитивным компонентом установки «*Когда я вижу на улице представителя этой группы, то думаю, что ему лучше бы быть дома*» выступает убежденность в неудаче, отсутствии благосклонности судьбы, справедливости высших сил. Аффективно-оценочный компонент предубеждения характеризуется проявлением эмоций негативной валентности: *тревоги* и *раздражения* в отношении представителей иных этнических групп, иных религий, мигрантов; фиксация признаков малоимущих сопровождается проявлением *брезгливости* и готовности к избеганию контактов.

Структура дискриминационной установки «*Если в какой-то семье есть человек – представитель этой группы, то эта семья должна жить своей особой жизнью и не пытаться добиваться каких-то привилегий*» на когнитивном уровне представлена убежденностью в несправедливости окружающего мира, на аффективно-оценочном уровне – эмоциями, отличающимися негативной валентностью: проявлением *тревоги* в случае попыток реализации права на привилегии семей, члены которых отличаются иной этнической приверженностью, статусом пенсионера, многодетной семьи; *раздражение* вызывают лица с физическими недостатками, инвалиды, представители иных этнических групп, лица, достигшие большего, и политические деятели; проявление *отвращения*, *страха* и *злости* вызывают люди более привилегированного положения, имеющие более высокие доходы; *жалость* вызывает стремление мигрантов, малоимущих и многодетных семей к получению преференций.

Когнитивным компонентом дискриминационной установки «*Наличие каких-то ярко выделяющихся особенностей должно учитываться при приеме человека на работу*» выступает убежденность в необходимости контроля жизненных событий. Аффективно-оценочный компонент установки характеризуется проявлением эмоций негативной амбивалентности: отсутствие *раздражения* в случае попыток трудоустройства психически нездоровых людей и, напротив, усиление *раздражения* к лицам, достигших большего; проявление *страха* в случае фиксации привилегий членов многодетных семей в сфере труда с последующей атрибуцией «я не имею – он имеет».

Отметим, что логика актуализации дискриминационных установок связана с атрибуцией «я не имею – он имеет», «жаль, но иначе быть не может», «я имею – он не имеет».

Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке программ тренинга по преодолению дискриминационных установок, а также превентивных программ снижения риска дискриминационного поведения.

Благодарности и финансирование: *Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта (№ 18-013-00094 А).*

Библиографический список

1. *Рязузова Е. В.* Социокультурный парадокс (антиномия) различения «Я – Другой» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 85–89. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-1-85-89>
2. *Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Мостиков С. В.* Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии //

- Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 2. С. 21–34. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202>
3. Шамионов П. М. Соотношение дискриминационных установок и авторитаризма правого толка // Страховские чтения-2018 : материалы междунар. науч.-практ. конф. : сб. науч. тр. / под ред. М. С. Ткачевой (отв. ред.), М. В. Григорьевой, Р. М. Шамионова. Саратов, 2018. С. 364–368.
 4. Бочарова Е. Е. Содержательные характеристики «предметного поля» дискриминационных установок // Вестн. РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 3. С. 308–322. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-308-322>
 5. Al Ramiah A., Hewstone M., Dovidio J. F., Penner L. A. The social psychology of discrimination: theory, measurement and consequences // Making equality count: Irish and international research measuring equality and discrimination / eds. L. Bond, F. McGinnity, H. Russell. Dublin, 2010. Chapter 5. P. 84–112.
 6. Bhugra D. Social discrimination and social // International Review of Psychiatry. 2016. Vol. 28, № 4. P. 336–341. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540261.2016.1210359>
 7. Rotter J. B. Generalized expectancies for interpersonal trust // American Psychologist. 1971. Vol. 26. № 5. P. 443–452. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0031464>
 8. Абрамов В. В. Об одном из подходов к исследованию межгрупповых отношений и эффектов // Мир психологии. 2008. № 3. С. 254–258.
 9. Рягузова Е. В. Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Саратов, 2011. 304 с.
 10. Gervais M., Fessler D. On the deep structure of social affect: Attitudes, emotions, sentiments, and the case of «contempt» // Behavioral and Brain Sciences. 2017. № 40. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0140525X16000352>
 11. Burns T. Towards a Theory of Structural Discrimination: Cultural, Institutional and Interactional Mechanisms of the «European Dilemma» // Identity, Belonging and Migration. Eds. G. Delanty, R. Wodak, P. Jones. Liverpool University Press, 2011. P. 152–172. DOI: <https://doi.org/10.5949/UPO9781846314537.009>
 12. Кленова М. А. Характеристики объектов дискриминационных установок в молодежной среде // 21 век: фундаментальная наука и технологии : материалы междунар. науч.-практ. конф. North Charleston, USA, 2018. С. 111–114.
 13. Mackie D., Smith E., eds. From prejudice to intergroup emotions : Differentiated reactions to social groups. N. Y., 2002. 270 p.
 14. Schwarz N., Clore G. How do I feel about it? Informative functions of affective states // *Affect, cognition, and social behavior* / Eds. Fielder K., Forgas J. Toronto, 1988. P. 44–62.
 15. Armitage C. J., Conner M. Attitudinal ambivalence : A test of three key hypotheses // Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. № 26. P. 1421–1432.
 16. Barrett L. F. Solving the emotion paradox : Categorization and the experience of emotion // Personality and Social Psychology Review. 2006. № 10. P. 20–46.
 17. Russell J. A., Carroll J. M. On the bipolarity of positive and negative affect // Psychological Bulletin. 1999. № 125. P. 3–30.
 18. Митина О. В., Падун М. А., Зелянина А. Н. Разработка русскоязычной версии «Теста имплицитного позитивного и негативного аффекта» // Психол. журн. 2017. Т. 38, № 2. С. 113–130.
 19. Осин Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики Panas // Психология. Журнал ВШЭ. 2012. № 4. С. 91–110.
 20. Дорофеев В. А., Мочалова Ю. А. Позитивная и негативная амбивалентность доверия преподавателю у студентов при разных стилях педагогического руководства // Психолого-педагогические исследования. 2018. Т. 10, № 2. С. 114–124. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2018100210>
 21. Talaska C. A., Fiske S. T., Chaiken S. Legitimizing racial discrimination : A meta-analysis of the racial attitude-behavior literature shows that emotions, not beliefs, best predicts discrimination // Social Justice Research. 2008. № 21. P. 263–296.
 22. Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психол. журн. 2008. № 4. С. 98–106.

Образец для цитирования:

Бочарова Е. Е. Структурные особенности дискриминационных установок личности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 2 (30). С. 146–156. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-146-156>

Structural Peculiarity of Discriminatory Attitudes of the Personality

Elena E. Bocharova

Elena E. Bocharova, <https://orcid.org/0000-0001-7814-158>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, bocharova-e@mail.ru

The purpose of the study presented in the article is to investigate structural peculiarities of discriminatory attitudes empirically.

The study was conducted on a sample (N=168), mean age 27,63 years, the sample was mostly composed of females (78,6%). In the course of study we used the following psycho-diagnostic toolset: a questionnaire that was specifically developed for the investigation, Yanoff-Bulman's "Scale of Basic Beliefs" (M. A. Padun and A. V. Kotelnikova's adaptation). It is supposed that there are differences in the content of structure-forming variables of individual discriminatory attitudes. Differences in the content of the cognitive component of discriminatory attitudes were traced. Manifestation of negative valency of discriminatory attitudes was recorded in the following cases: "I have prejudices against representatives

of another group"; "If someone has external signs of belonging to another group, it makes me worried"; "If I see a representative of this group in a public place, and he/she behaves too freely, I will make a remark concerning his behaviour"; "When I see a representative of this group in the street, I think it would be better for him/her to stay at home"; "If there is a person in a family, who is a representative of this group, then this family should live its own special life and not to seek any privileges." In this case, we observe readiness of an individual to increase social distance from representatives of other groups. Manifestation of *negative ambivalence* of discriminatory attitudes was noted in the following case: "I think that students who came to us to study cannot behave so freely and actively"; "Representatives of some groups are allowed too much"; "Presence of some clearly distinguished features should be taken into account when hiring a person." Let us point out that the logic of discriminatory attitudes actualization is associated with the following attributions "I do not have, but he/she has", "Sorry, but it cannot be otherwise", "I have – he/she does not have". The applied aspect of the problem under study can be implemented in the development of preventive programs to reduce the risk of discriminatory behavior.

Keywords: personality, Other, group, discriminatory attitude, structure of discriminatory attitude, negative valency, negative ambivalence.

Acknowledgments: *The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project (no. 18-013-00094 A).*

References

- Ryaguzova E. V. Socio-cultural Paradox (Antinomy) Distinction between «I – Other». *Izv. Saratov univ. (N. S.) Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izv. Saratov. Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Pedagogy. Psychology], 2016, vol. 16, iss. 1, pp. 85–89. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-1-85-89> (in Russian).
- Dontsov A. I., Perelygina E. B., Zotova O. Yu., Mostikov S. V. Trust as a factor of psychological security in interethnic interaction. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018, vol. 9, no. 2, pp. 21–34. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202> (in Russian).
- Shamionov R. M. Sootnosheniye diskriminatsionnykh ustanovok i avtoritarizma pravogo tolka [Ratio of Discriminatory Attitudes and Right-Wing Authoritarianism]. *Strakhovskiy chteniye-2018: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: sb. nauch. tr. / pod red. M. S. Tkachevoj (otv. red.), M. V. Grigor'evoy, R. M. Shamionova* [Strakhov Readings: collection of research papers]. Saratov, 2018, pp. 364–368 (in Russian).
- Bocharova E. E. Soderzhatel'nye harakteristiki «predmetnogo polja» diskriminatsionnykh ustanovok [Content Characteristics of the "Subject Field" of Discriminatory Attitudes]. *Vestn. RUDN. Ser. Psikhologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 2018, no. 13, pp. 308–322. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-308-322> (in Russian).
- Al Ramiah A., Hewstone M., Dovidio J. F., Penner L. A. The social psychology of discrimination: theory, measurement and consequences. In: L. Bond, F. McGinnity, H. Russell, eds. *Making equality count: Irish and international research measuring equality and discrimination*. Dublin, 2010, chapter 5, pp. 84–112.
- Bhugra D. Social discrimination and social justice. *International Review of Psychiatry*, 2016, vol. 28, no. 4, pp. 336–341. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540261.2016.1210359>
- Rotter J. B. Generalized expectancies for interpersonal trust. *American Psychologist*, 1971, vol. 26, no. 5, pp. 443–452. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0031464>
- Abramov V. V. On one of the approaches to the study of intergroup relations and effects. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 2008, no. 3, pp. 254–258 (in Russian).
- Ryaguzova E. V. *Social'naya psikhologiya lichnostnykh reprezentatsiy vzaimodejstviya «Ya – Drugoy»*. Saratov, 2011. 304 p. (in Russian).
- Gervais M., Fessler D. On the deep structure of social affect: Attitudes, emotions, sentiments, and the case of «contempt». *Behavioral and Brain Sciences*, 2017, no. 40, pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0140525X16000352>
- Burns T. Towards a Theory of Structural Discrimination: Cultural, Institutional and Interactional Mechanisms of the «European Dilemma». In: G. Delanty, R. Wodak, P. Jones, eds. *Identity, Belonging and Migration*. Liverpool University Press, 2011, pp. 152–172. DOI: <https://doi.org/10.5949/UPO9781846314537.009>
- Klenova M. A. Characteristics of objects of discriminatory attitudes among youth. *Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «21 vek: fundamental'naya nauka i tekhnologii»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «21st Century: Fundamental Science and Technology»]. North Charleston, USA, 2018, pp. 111–114 (in Russian).
- Mackie D., Smith E. *From prejudice to intergroup emotions: Differentiated reactions to social groups*. N. Y., 2002, 270 p.
- Schwarz N., Clore G. How do I feel about it? Informative functions of affective states. In: Fielder K., Forgas J., eds. *Affect, cognition, and social behavior*. Toronto, 1988. P. 44–62.
- Armitage C. J., Conner M. Attitudinal ambivalence: A test of three key hypotheses. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2000, no. 26, pp. 1421–1432.
- Barrett L. F. Solving the emotion paradox: Categorization and the experience of emotion. *Personality and Social Psychology Review*, 2006, no. 10, pp. 20–46.
- Russell J. A., Carroll J. M. On the bipolarity of positive and negative affect. *Psychological Bulletin*, 1999, no. 125, pp. 3–30.
- Mitina O. V., Padun M. A., Zelyanina A. N. Development of the Russian version of the «Test of implicit positive and negative affect». *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 2017, vol. 38, no. 2, pp. 113–130 (in Russian).
- Osin E. N. Measurement of Positive and Negative Emotions: Development of the Russian-language Analogue of the Panas Technique. *Psikhologiya. Zhurnal VShE* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2012, no. 4, pp. 91–110 (in Russian).
- Dorofeev V. A., Mochalova Yu. A. Positive and negative ambivalence of trust to the teacher between students

- with different styles of pedagogical leadership. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies], 2018, vol. 10, no. 2, pp. 114–124. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2018100210> (in Russian).
21. Talaska C. A., Fiske S. T., Chaiken S. Legitimizing racial discrimination: A meta-analysis of the racial attitude-behavior literature shows that emotions, not beliefs, best predicts discrimination. *Social Justice Research*, 2008, no. 21, pp. 263–296.
22. Padun M. A., Kotel'nikova A. V. Personal basic beliefs research method of R. Janoff-Bulman. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2008, no. 4, pp. 98–106 (in Russian).

Cite this article as:

Bocharova E. E. Structural Peculiarity of Discriminatory Attitudes of the Personality. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019, vol. 8, iss. 2 (30), pp. 146–156 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-146-156>
